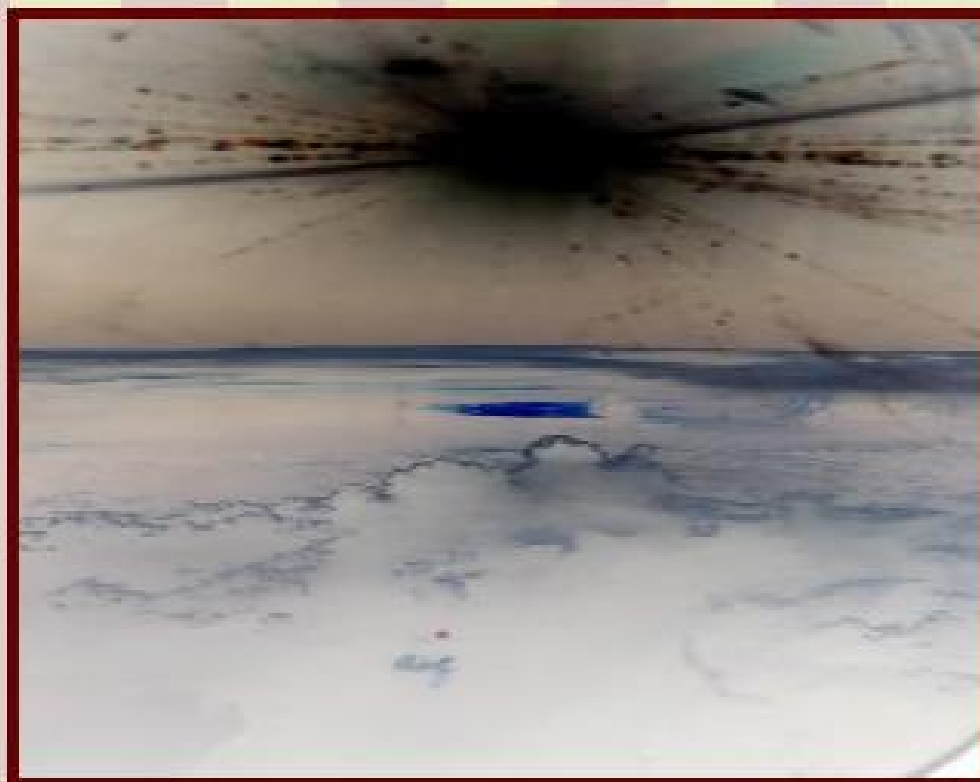

Последнее Рождество на Земле

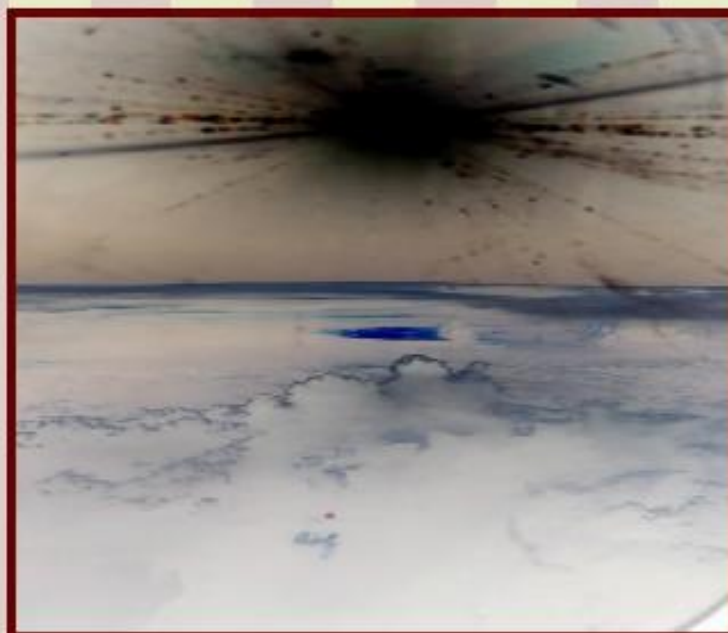

Андреа Лепри

Перевод *Татьяны Кузнецовой*

Последнее Рождество на Земле

Андреа Лепри

Перевод *Татьяны Кузнецовой*

Андреа Лепри

**ПОСЛЕДНЕЕ
РОЖДЕСТВО
НА ЗЕМЛЕ**

Перевод с итальянского

Лепри А.

Последнее рождество на Земле. Перевод с
итал. Т. Кузнецовой – Изд. Тектайм, 2018 – 352 с.

ISBN

Солнце словно постановило, что жизни на Земле приходит конец. Группа ученых пытается разбудить последнего серого пришельца, оставшегося в живых после падения НЛО в окрестностях Розуэлла, вероятно, только он может помочь человечеству выжить. Инопланетяне пытаются завладеть планетой, секретная экспедиция погружается в районе Бермудского треугольника, направляясь к Атлантиде в поисках ключа, открывающего звездный туннель. Сын заместителя шерифа города Рокленда, страдающий болезнью Дауна, увлекается египтологией; однажды он пропадает из дома на тридцать часов. По возвращении он ничего не помнит; гонка на опережение времени началась.

Андреа Лепри

Последнее Рождество на Земле

Перевод Татьяны Кузнецовой

Название на языке оригинала

L'ultimo Natale sulla terra

Первое издание

0111 edizioni – www.0111edizioni.it

Первое издание – июнь 2015 г.

Издано на русском языке в июле 2018 г.

Издательство «Тектайм» – www.traduzione libri.it

Роман является плодом воображения автора. Какая бы то ни было связь с фактами либо конкретными лицами совершенно случайна.

Все права защищены

Оглавление

ЭПИЗОД I	ПРОБУЖДЕНИЕ ГАРРИ
ЭПИЗОД II	МАКЕТ
ЭПИЗОД III	НА МЕРТВОМ МОРЕ
ЭПИЗОД IV	ПАДЕНИЕ НЛО
ЭПИЗОД V	ТЕРЗАНИЯ ДЖЕЙМСА
ЭПИЗОД VI	САД КАМНЕЙ
ЭПИЗОД VII	ГИБЕЛЬ ПЕДРО
ЭПИЗОД VIII	КУПОЛ
ЭПИЗОД IX	«НАУТИЛУС»
ЭПИЗОД X	В БОЛЬШОЙ ПИРАМИДЕ

ЭПИЗОД I

ПРОБУЖДЕНИЕ ГАРРИ

Гарри недоуменно огляделся, глаза у него слипались, и он всю силу силился не дать им закрыться. Он только что проснулся от полной и глубочайшей тишины, почти неестественной, как будто сама суть жизни вдруг умчалась отсюда, спасаясь от неизвестно какой ужасающей угрозы. Дул едва ощутимый свежий влажный ветерок, вдруг резкий порыв ветра со свистом встряхнул желто-бурые кроны в кленовом колке, который стоял до этого неподвижно как на открытке. Гарри посмотрел на темное небо над головой, на котором проступила лишь пара-другая звезд, и отметил, что не знает, раннее ли сейчас утро или поздний вечер. Поначалу он забеспокоился, потом повнимательнее взглянул на висевшие над Пенобскотским заливом тучи и заметил, что тучи отливают оттенками заката. Гарри сделал вывод, что солнце, наверное, только что скрылось за горизонт, он снова непонимающе огляделся, тревожно раздумывая, как же он так запоздал. Он рассеянно поцарапал комариный укус на голяшке, рука его сама передвинулась к колену, и он почувствовал неприятное ощущение чего-то липкого, он взглянул на коленку и увидел, что оба колена расцарапаны и что на них налип какой-то желатин розового цвета, желатин проникал в

царапины, и они заживали невероятно быстро. Он удивленно смотрел как раны затягиваются, пока царапины совсем не зажили, он осторожно ощупал места, где несколько секунд назад кровянились раны и отметил, что ему вовсе не больно. Он подумал, когда же расцарапал коленки, Гарри был уверен, что с деревьев он не падал потому, что никогда на них не залезал, так как страшно боялся пауков. Тогда он подумал, не упал ли с велосипеда, но посчитал, что быть того не может, он уже стал большим и давно с велика не падал... а к тому же о падении он никак не забыл бы! Все эти загадки раздражали его, он провел пару раз по совершенно черным, гладким, прямым волосам и выпятил нижнюю губу, стараясь собраться с мыслями. В конце концов он обреченно вздохнул, он отказывался поверить, потому что раньше с ним никогда такого не бывало, но, должно быть, он в самом деле заснул. Но коленки-то он как ободрал? Он услышал, как что-то яростно забарахталось в воде, беспокойство заменилось любопытством. Он поднялся и нетвердыми шагами поплелся к берегу речушки посмотреть кто там барахтается. Гарри ухватился за низкую ветку над водой, осторожно обогнул склонившееся над рекой дерево, стараясь не соскользнуть в воду, и увидел свою удочку. Она была заброшена точно там, где привык забрасывать ее он сам, вставив между двумя камнями в том месте, где маленькая речка вытекала из озера Мэгантикук. На крючке билась исполинская форель, она яростно выпрыгивала из воды, стараясь сняться с крючка. Гарри безрезультатно попытался вспомнить, не спал ли он еще в тот момент, когда форель попала на крючок, а если не спал, то о чем он подумал в последнюю минуту перед тем, как заснуть. Между тем лесной колокол постепенно снова задышал, кроны неожиданно заколыхались и уже не сопротивлялись ветру, это означало, что наступил час, когда белки начинают перескакивать с ветки на ветку, собираясь спуститься с деревьев в поисках съестного. Форель все шлепала по воде, этим заинтересовалась выдра и высунула голову из росшего недалеко от берега куста, она разглядела легкую добычу и нырнула в воду, подняв брызги, когда голова ее показалась над водой, она решительно плыла к форели, рыбина заметила выдру и заметалась еще яростнее, она поняла, что обречена. Отдаленный звон колокола рокпортской церкви

объявил, что подошло время готовить ужин. Гарри вновь охватила мысль, что надо скорее бежать домой, и он принялся искать взглядом свой обожаемый горный велосипед. Гарри им сильно дорожил, поскольку, чтобы убедить родителей, что он уже в состоянии ездить на велосипеде, ему пришлось попотеть до традиционного седьмого пота, и когда он ездил на реку, он обычно прислонял его к дереву, тщательно обернув раму тряпкой, чтобы не поцарапать. Но теперь велосипед небрежно валялся на земле; Гарри с досадой бросился поднимать его и, нахмутив брови, осмотрел сантиметр за сантиметром, проверяя нет ли царапин. Вдруг Гарри почувствовал на себе взгляд, он в тысячный раз огляделся вокруг, и темнота, быстро обволакивавшая все и вся, заставила его оробеть. Несколько дней назад его отец вызвался прикрепить к рулю велосипеда лампочку на батарейке, но Гарри отказался, ответив, что с лампочкой велосипед уже не будет таким красивым, а вот теперь пожалел, что отказался, потому что теперь свет был бы ему очень кстати. Шумы усиливались и к ним присоединялись новые, они говорили, что лес все быстрее возвращается к жизни, и когда Гарри услышал первые голоса ночных птиц, он испугался настолько, что подумал, как бы не попался на тропинке медведь. Он нацепил на нос болтавшиеся на шее очки, расправил за головой резинку, державшую их, чтобы не спали, и увидел, что одна линза раскололась и пошла трещинами; Гарри опять спросил себя, что же за черт с ним случился; наконец он вытянул правую руку и согнул ее в локте, подставив под самый нос часы. Часы Гарри носил просто из чванства, поскольку считывать время он не умел, но, понимая, что уже поздно, он все равно поднес руку к глазам театральным жестом и решил, что, хотя и жалко, а снасти придется оставить тут, так как времени собирать их нет; он сказал себе, что вернется за ними завтра. Гарри было жаль, что он возвратится без форели, поскольку это была самая большая рыбина из, тех, что он когда-либо вылавливал, но прыгания форели больше было не слышно, это означало, что скорее всего рыба уже лежит в брюхе у выдры. Гарри вообразил, как довольная выдра возвращается к себе в нору, предвкушая сладкий сон, потому что, благодаря Гарри, охота ее сегодняшним вечером уже закончилась. Гарри пожал плечами и сказал себе, что сейчас ему стоит подумать о более серьезных вещах, например, о том, что в этот час его

родители несомненно здорово сердятся. А значит, хотя и Гарри было страшновато, ему безусловно надо лететь домой кратчайшим путем. Долго не думая, Гарри поднял с земли рюкзак, в котором лежал его полдник и все его сокровища, закинул его за плечо, неуклюже прыгнул в седло и принялся нажимать на педали; поначалу руль не хотел держаться прямо, но как только Гарри обрел равновесие, он устремился сломя голову через лес вдоль противопожарной полосы и вмиг пересек колок. Гарри выскочил на огромный луг, пролетел несколько сотен метров и свернул влево, проехал сколько-то по вьючной тропе, пролежавшей по дну долины между Пейзоном и Камденом, затем, на повороте к городку, резко срезал напрямик через свекольное поле, стараясь держаться подальше от пугал, так как помнил, что говорили будто ночью они пытаются ухватить за шиворот всех проходящих мимо. Наконец, Гарри въехал на вершину Камденского холма и остановился передохнуть. Он снял голубую тенниску и остался в одной белой майке в рубчик, утер передом майки пот на лбу и взглянул на море, освещенное рядами зажженных фонарей, протянувшимися вдоль извилистого берега. Вечерний паром сопровождали низко летавшие чайки; освещенный многочисленными огнями, паром пересекал Пеннобскотский залив, он вез домой с острова Дир пригородных рабочих, и огни его отражались тысячей бликов на темной поверхности воды. Гарри перевел взгляд на долину в направлении Рокпорта, его дом был всего лишь в четырех-пяти минутах езды, и будь то днем он отлично смог бы разглядеть его крышу из темного шифера. Но Гарри увидел, как через кроны ясеней пробиваются беспорядочные лучи красного и голубого цвета, от удивления он вытаращил глаза, потом прищурился, чтобы разглядеть получше, и понял, что лучи бьют прямо с большой лужайки перед его домом. Гарри испугался, что случилось что-нибудь с родителями, у него упало сердце, он привязал тенниску к раме и вновь нажал на педали, он в тревоге устремился вниз по крутому спуску, не обращая внимания на камни и ямы, из-за которых рисковал упасть и больно ушибиться.

Джеймс вышагивал взад и вперед по лужайке вот уже несколько часов и чувствовал, что скоро усталость и отчаяние возьмут над ним верх. С раннего утра время Джеймса поделилось на отрезки, отвечавшие привычкам его сына, каждый раз, когда подходил час какого-нибудь давно привычного и значимого для сына занятия, вроде фильма в два часа пополудни или полдника в четыре, или передачи по египтологии в пять, Джеймс надеялся, что тот вернется. Но нет! Джеймс остановился и снова посмотрел на часы, шел девятый час и только что начался «Скуби-Ду», а Гарри и следа не было. Джеймс удрученно покачал головой и снова принялся машинально вышагивать по большой лужайке, отмахиваясь от комаров, в беспокойстве он даже не замечал, что начисто вытаптывал свою любимую клумбу с фиалками по краям, на которой через несколько дней собирались поставить большую новогоднюю елку. Чувствовал себя Джеймс скверно, он расстегнул две верхние пуговицы рубашки, будто этот неосознанный жест поможет ему почувствовать себя лучше. Хотя и близился конец декабря, лето в этом году будто не собиралось уходить. Вместо снега и льдинок луга были покрыты душистыми цветами, а температура держалась около тридцати градусов. Вот почему Джеймс взял за дурную привычку вливать в себя одну бутылку «Будвайзера» за другой, проклиная жару и влагу; само собой, что живот его от этого значительно округлился, и форма цвета хаки заместителя шерифа стала узковатой. Хотя несусветной жаре официальная наука не находила хоть сколько-нибудь достойного объяснения, специалисты во всем мире единодушно полагали, что климат окончательно спятил и что навряд ли вернется к нормальному состоянию. В поддержку их теории, которую многие поначалу считали абсурдной, в разных точках планеты на месте степей начали образовываться пустыни, и наоборот. Целые экосистемы собирали чемоданы и поспешно передвигались в поисках лучших условий жизни, оставляя с разинутыми ртами ученых многих дисциплин. Джеймс остановился и поднял глаза к звездному небу, потом он заткнул уши, пытаясь отрешиться хоть на миг от окружавшего его гама. Он зажмурил глаза и, глубоко дыша, сосчитал до десяти в надежде, что когда он их откроет, окажется, что он наконец-то проснулся, лежит в своей постели и благодарит бога за то, что это был всего лишь ночной кошмар. Или же, лишь бы вновь

немедля обнять своего сына, он согласился бы даже выступить в качестве предмета злой шутки, устроенной автором какого-нибудь второсортного реалити-шоу. Но, когда Джеймс открыл глаза и уши, вокруг продолжался тот же беспорядочный гвалт и то же хождение взад-вперед светящихся жилетов, сверкавших налетом влаги, те же пестрые лучи света разрезали темноту и слышался тот же беспорядочный лай утомленных собак. Кто-то отдавал приказы, кто-то разносил горячий чай и кофе, двое людей, вооруженных блокнотами и карандашами, задавали вопросы тому да другому и что-то записывали, а какой-то тип уселся около полевого радиопередатчика и строковыделителем с широченным острием перечеркивал некоторые части топографической карты. Джеймс снова заходил взад и вперед, его жена Ева ухватила его под руку и, последовав за ним в его неистовом хождении, потянула назад, пытаясь остановить. Будь то другая женщина, Джеймс увлек бы ее за собой своей громадой и своим решительным шагом, но Ева была выше его на пядь, худощава и мускулиста, типичной североевропейской расы с длинными пепельно-белыми волосами и голубыми глазами настолько светлыми, что на первый взгляд она казалась альбиносской. Еве надоело, что Джеймс продолжает тянуть ее за собой как прицеп, и она рванула его за рукав, вынудив остановиться, после чего пристально посмотрела ему в глаза.

Ну, чего тебе? – спросил он резко.

– И ты еще спрашиваешь? Пойди в зеркало поосмотрись, тогда сам поймешь... – ответила Ева. Джеймс фыркнул.

– Ты бы попросил успокоительного у доктора Паркера, – тотчас продолжила она тоном, который показался Джеймсу слишком заботливым.

– Опять те же разговоры? Вот скажи на милость, зачем мне успокоительное пить? – раздраженно ответил он. Ева собралась ответить, но доктор Адам Паркер опередил ее, он со своими тонкими усиками, круглыми интеллигентскими очками и с неременной бабочкой на шее, походил на манекен, сбежавший из антикварного магазина.

– Джеймс, послушайте меня, пожалуйста! Вы уже больше суток не спите, у вас глаза совсем покраснелись, у вас вены на шее и на

висках вздулись. Я вам для вашего же блага говорю, вам надо немного отдохнуть, а то, если вы будете так продолжать, вы с ног свалитесь через несколько минут. Я уверен, что, если я вам сейчас замерю давление, стрелка зашкалится, – серьезно объяснил Паркер, пристально глядя на Джеймса сверху вниз своими маленькими светлыми глазами.

– Пока Гарри не вернется, я отдыхать не собираюсь, я ясно сказал? И если стоять здесь и ждать его означает свалиться с ног, значит свалюсь! – ответил Джеймс хриплым голосом, глядя поверх головы врача и пытаясь разглядеть в толпе типа, разносившего кофе.

– А к тому же, хорошо или плохо я себя чувствую, это мое дело, и если... – продолжал он, но тут подошла Элен.

– Простите, – сказала она, положив руку на свободную руку Джеймса, чтобы привлечь его внимание. Ева заметила жест и бросила на нее взгляд, полный ревности, а может просто отстаивала собственность, Элен от бросающего вызов взгляда глаз не отвела, поправила шерифскую звезду на груди и обратилась к Джеймсу:

– Мне надо вернуться в участок спланировать работу на завтра, – сказала она, чуть сжав ему руку в знак солидарности, и Ева опять пронзила ее взглядом.

– Ну да, понятно, – кивнул Джеймс, покусывая верхнюю губу.

– Ну ладно. Если будут новости, позвони мне, пожалуйста.

– Хорошо, шеф, я тебя извещу. Спасибо за все, – подавленно ответил он, поскольку все же боялся, что этим вечером никаких новостей не будет.

– Не падай духом, я уверена, что с минуты на минуту ты увидишь, как Гарри объявится вон там в глубине аллеи на своем велосипеде, – попыталась приободрить его Элен.

– Надеюсь так и будет... только не могу понять, зачем он так поступил. В последнее время мы даже не выговаривали ему, у него не было никаких причин убежать из дома... – закончил Джеймс, медленно покачав головой.

– Я не думаю, что он убежал из дома, тогда он оставил бы вам записку, чтобы вы чувствовали себя виноватыми, – возразила Элен, поразмышляв несколько секунд. – В любом случае, постарайся не

падать духом, все устроится, вот увидишь. До завтра, – попрощалась она и зашагала к служебной машине, намеренно игнорируя Еву. Перед тем как сесть в джип Элен остановилась дать распоряжения коллегам и горожанам, добровольно вызвавшимся помочь в поисках, чтобы завтра на рассвете, если не будет ничего нового, все знали, что делать и не теряли драгоценного времени на болтовню. Ева обернулась к Джеймсу.

– Милый.. я не хочу настаивать, но почему бы тебе не принять чего-нибудь успокоительного? Чего-нибудь слабого, не чтобы заснуть, а, чтобы, по крайней мере, расслабиться.

– Я что, плохо объяснил? – вскрикнул он настолько громко, что все обернулись. – Я не намерен расслабляться! Может ты не заметила, но я потому в таком состоянии, что несмотря на все наши усилия, мы никак не найдем нашего сына! Нет следов ни его, ни его велосипеда в пятимильной окружности отсюда, и, если тебе очень интересно знать, чего я не понимаю, так это, как ты можешь оставаться такой спокойной, а прежде всего не понимаю, почему мы до сих пор не вызвали профессионалов! Уже ясно, что Гарри украли, и несмотря на добрую волю, все эти люди помочь нам найти его не смогут!

– Ах, вот как? Ну, раз он так думает, чего же не ищет своего сына сам? – оскорбленно пробормотал собаковод, разводящий биглей и безотлагательно снарядивший собак и их хозяев на розыски. Его напарник ответил неопределенным взглядом, пожав плечами.

– Украли? Да мы самая обычная семья, живем в захолустном поселке с крестьянами и рыбаками, кому надо красть нашего сына? И зачем? – обескураженно откликнулась Ева.

– Не знаю, только я знаю, что надо звать профессионалов, я тебе уже говорил! Ты что надеешься, что нашего Гарри приведут домой вот эти? – сорвал зло Джеймс, указав на поисковые группы, наспех сколоченные из горожан; все они подтягивались к дому, поскольку подступала темнота и продолжать поиски было невозможно. Мужчины и женщины, обессиленные и удрученные, небольшими группами выходили на опушку и намеренно избегали взглядов Евы и Джеймса. Большинство обменивалось подавленными выражениями на лицах и бросало на землю карманные фонари и рюкзаки, какой-то тип громко

подозвал собаку, опять побежавшую в колок за зайцем, другой зашел в оперативную часть, обустроенную в палатке.

– А что, твои коллеги и твоя начальница больше сделали? Шериф сделала что-то большее? – раздраженно ответила Ева, указывая на Элен, дававшую последние указания. Джеймс собрался ответить, но Паркер положил ему руку на плечо, требуя внимания.

– Я не хочу показаться... Джеймс, вы не обижайтесь, что я вмешиваюсь, но я не думаю, что вашего сына кто-то украл. Вы отлично понимаете, что Гарри не такой как все подростки, любой пустяк, который для других детей ничего бы не значил, как скажем падение с велосипеда, может причинить ему эмоциональную травму. Гарри может потерять ориентацию или может...

– Заткнитесь! – взревел Джеймс, резко стряхнув руку врача. Элен уже сидела за рулем своего «Чероки» и собиралась завести мотор; услышав крик, она опустила стекло и высунула голову посмотреть, что происходит. Нос Джеймса отстоял лишь на йоту от носа Паркера, Джеймс, казалось, вот-вот взорвется, и, зная насколько врач ему неприятен, Элен забеспокоилась как бы Джеймс не наделал глупостей. Несколько горожан направилось к спорщикам, намереваясь утихомирить их, Элен раздумывала, стоит ли ей вмешиваться лично.

– Мой сын вовсе не идиот, у него всего лишь болезнь Дауна! Гарри ходил один рыбачить в Пейзон-Корнер тысячу раз, он отлично ездит на велосипеде и не теряется в дурацких пяти милях. Я ясно сказал, доктор? – орал Джеймс, вдруг внезапное движение позади кучки людей привлекло внимание Элен; эти черты она узнала бы за сотню миль.

Сердце Элен бешено заколотилось. Как она и предсказала Джеймсу, горстку минут назад Гарри объявился из-за изгороди на восточной стороне дома. Он из последних сил стрелой пролетел по крутой тропе, подводившей к входу на приусадебный участок, и там остановился, тяжело дыша и разглядывая присутствующих. Он не понимал зачем все здесь собрались, но стоял и смотрел заворуженно, будто в кино, и облегченно, так как его родители были тут и на первый взгляд оба прекрасно себя чувствовали.

– Слава богу, – прошептала Элен, прикрыв ладонью рот, она вышла из внедорожника и побежала навстречу Гарри, который тем временем проехал еще несколько метров и остановился перед Джеймсом. Он еще раз окинул любопытным и удивленным взглядом весь этот бурлящий цирк, потом слез с велосипеда и упал на колени, будто силы враз покинули его.

– Гарри! – воскликнула Элен, увидев, что он упал, все оглянулись, и тут же грохнул взрыв ликования, а за ним облегченное радостное рукоплескание. Джеймс первым подбежал к Гарри и буквально вырвал его из рук Элен.

– Папа, ты ведь не сердишься, правда? Я знаю, что уже поздно, но я не виноват. Я, должно быть, заснул.

– Ты заснул? – откликнулся Джеймс. – Тебя нет дома с двух часов со вчерашнего дня, а сейчас восемь вечера! Тебя тридцать часов не было, где тебя черти носили, могу я знать? – прорычал он, ухватив Гарри за согбенные плечи.

– Я... как со вчерашнего дня? – недоуменно спросил Гарри, пытаюсь найти объяснение, но не знал, что ответить, и виновато взглянул на отца. Глаза его увлажнились, губы задрожали, он заплакал, так как был уверен, что никто ему никогда не поверит.

– Хватит, не видишь, что он плачет? Оставь его в покое! – вскрикнула Ева и оттолкнула Джеймса. Потом взяла Гарри за руки и помогла ему подняться.

– Успокойся, родной, все хорошо! Давай, пойдем в дом, – шепнула она ему и заботливо обняла. Кивком головы Ева позвала за собой Паркера, а Джеймс ошарашенно смотрел, как они идут к дому. Он хотел пойти с ними, но не мог и пальцем шевельнуть: облегчение от нервного напряжения наступило в виде внезапно навалившейся усталости, волна которой унесла в море все остававшиеся силы. Вдруг из камышей за кустами позади дома выскочил пес Гарри и, виляя хвостом, побежал ему навстречу.

– Тоби! – воскликнул Гарри и протянул руку, чтобы погладить его, но внезапно пес остановился в нескольких сантиметрах от Гарри, тотчас попятился и отошел на метр, чтобы тот его не коснулся. Пес поднял морду, прижал уши и округлил спину, спрятав хвост между

задними лапами. Снова понюхал мальчика и отошел от него еще дальше, потом вмиг вздыбил шерсть на спине и зарычал на Гарри, оскалив зубы. Наконец пес сжался, готовясь наброситься.

– Тоби... – разочарованно пробормотал Гарри, протягивая псу руку, Джеймс догадался, что теперь случится, и бросился к ним, чтобы предотвратить худшее.

– Тоби, да какого черта... – едва проговорил Джеймс, как пес бросился на Гарри, сбил его с ног и укусил в руку, которую Гарри неосознанно поднял, чтобы уберечься, затем синий оскал замер в сантиметре от лица Гарри, злобно рыча. Джеймс пристегнул пса и приподнял его с земли, чтобы обезвредить, но почувствовал, что тот вырывается с такой силой, что вот-вот выскользнет. Ощущение капель крови известило его, что сильная шотландская овчарка задними когтями расцарапала ему правую ногу.

– Заходите с Гарри в дом, скорее, он сейчас вырвется, – прокричал Джеймс Еве. Она помогла Гарри встать и бегом затащила его в дом, Паркер схватил кожаную сумку и поспешил за ними. Джеймс отпустил пса, тот лайкнул пару раз, поцарапался в уже закрытую дверь и тотчас забился в деревянную конуру, где просидел, скуля и воя, довольно долго. Джеймс намеревался задать псу взбучку, но, сделав шаг в его сторону, передумал из-за сильно болевшей ноги.

– Только взбесившейся собаки нам не хватало... – ошеломленно пробормотал он, почесав в затылке. Чехарда эмоций лишила его сил.

Было поздно, и горожане сильно устали, но Элен все равно приказала сворачивать палатки, поскольку снаряжение понадобится, если вдруг где-нибудь еще случится тревога. Когда закончили сборы, она поблагодарила принявших участие в розысках и отпустила всех, кроме водителя скорой помощи, его отпустит доктор Паркер, если установит, что Гарри чувствует себя хорошо. Поскольку Джеймс все еще сидел в отупении, Элен подумала поставить велосипед в сарай, она знала, насколько Гарри дорожит им и как он рассердится, если обнаружит поутру, что велик валяется на газоне. Элен наклонилась, поднимая велосипед, и увидела в траве часы мальчика; она подумала, что они скорее всего спали с руки, когда Гарри бросился на колени,

Элен засунула часы в кармашек форменной рубашки, намереваясь при случае передать их Джеймсу. Она взялась за руль и заметила, что он покрыт каким-то тончайшим светящимся голубоватым порошком, она инстинктивно попыталась счистить порошок ногтем мизинца, но малюсенькая ранка на пальце причинила ей такую боль, что Элен тут же с проклятием отдернула руку, она пожала плечами и покатила велосипед к сараю. Джеймс собрался с силами и подошел к Элен, когда она уже дошла до ворот железного сарая.

– Ну, что я говорила? – сказала ему Элен, широко улыбаясь.

– Как всегда, ты и на этот раз угадала, – признал Джеймс, – только я чуть не помер со страху. Псина вот, тоже... видела, как набросился? Еще вчера он на Гарри ни за что бы не бросился.

– Собаки – звери особые, скорее всего на Гарри был какой-то запах, который пришелся псу не по нраву. Ты сейчас не мозгуй больше, чем надо, главное, что твой сын вернулся и самое главное, что с ним все в порядке.

– И то верно... только хотел бы я знать, где он был все это время... ты представляешь сколько для меня длились эти тридцать часов?

Элен не ответила, но она знала это не хуже Джеймса, поскольку всегда чувствовала необъяснимую привязанность к мальчику.

– Не беспокойся, рано или поздно он тебе все расскажет. Ты же его знаешь, не торопи его, а то он поднимет неприступный щит и замкнется в себе... потерпи, пусть Гарри сам решит, когда тебе все рассказать, – посоветовала Элен Джеймсу, она слегка пожала ему руку, чтобы ободрить, и, как случалось каждый раз, когда тела их сближались, там, где они коснулись друг друга будто электрическая искра проскочила. Джеймс сконфуженно отвел руку, потом неуверенно кивнул, так как умирал от любопытства и хотел бы немедленно расспросить сына и узнать, что тот натворил за все это время.

– Я не могу больше задерживаться, уже очень поздно. Отдохни несколько деньков, у тебя страшно усталый вид, – произнесла в конце концов Элен.

– Не знаю, подумаю.

– Что значит подумаешь?

You've Just Finished your Free Sample

Enjoyed the preview?

Buy: <http://www.ebooks2go.com>